

Человек может уйти, но эхо остаётся.

Маленькая переговорка всё ещё гудела — будто в воздухе жужжали тысячи комаров. Цзян Цзи всё ещё слышал: «Я люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя...» — Лу Синьянь жужжал вокруг него даже после того, как исчез.

Серьёзно? Он правда в это верит?

Цзян Цзи не хотел в это верить.

Он тысячу раз задавался одним и тем же вопросом: зачем этот мальчишка всё ещё крутится у него под ногами? Что ему реально нужно?

Сначала Цзян Цзи думал — всё просто: Лу Синьянь его просто ненавидит, поэтому и цепляется при каждой возможности. Но потом стало очевидно — если человека правда ненавидишь, ты стараешься его не видеть, а не суёшься под нос каждые три дня с новым «конфликтом».

Он давно понял: у Лу Синьяня это не ненависть, а что-то вроде упрямого обожания. Наивная детская привычка держаться за «старшего брата» — пусть тот будет злым и холодным, главное — своим. Связь любой ценой.

Смешно, но за столько лет их «семейный сценарий» так и не поменялся: встретились, поругались, разбежались. Вечно эти пустые стычки — классика жанра. А всё потому, что Лу Синьянь упрямый — свою гордость сожрёт, но первым не скажет: «Давай дружить».

Раньше эти выкрутасы ещё можно было списать на подростковый бунт — ну, дурак дураком, шутками цепляет внимание. Но превратить это всё в фарс с «любовным признанием»? Тут уж перебор.

Цзян Цзи решил: игнорировать. Лучшее оружие против Лу Синьяня — ровная, холодная стена.

В тот же день он продолжил работать так, будто ничего и не было.

Сейчас у него на руках висел важный проект — одна из ключевых задач года. Три года стартапа уже за спиной, но до стабильности было ещё далеко, так что почти всё он тащил на себе. Дни и ночи за столом — обычное дело.

К пяти часам вечера — закономерно: сообщение в WeChat.

Ли Лин: «Во сколько сегодня заканчиваешь? Я ужин оплачу.»

Цзян Цзи на секунду замер, пальцы зависли над клавиатурой. Без лишних реверансов набрал: «Минимум ещё два часа. Ешь сам, перенесём.»

Ответ прилетел сразу — голосовуха, полная надрыва:

— Цзян Цзи, ну ты же вечно «переносишь»... Ты хоть знаешь, до какого дня ты меня переносишь, а?

Цзян Цзи поджал губы. Эта приторная интонация, прозрачный намёк — вот кто настоящий

мастер подкатов с дозой «я всё понимаю, но всё равно полезу». На его фоне Лу Синьянь со своей топорной влюблённостью и правда выглядел почти мило.

Вспомнил, как познакомился с Ли Лином — ровно год назад. Ничего особенного: Ли Лин — сын одного из крупных инвесторов, который зашёл в их стартап ещё на стадии голой идеи.

Тогда Цзян Цзи ещё только учился держаться на плаву — без чужих денег он был просто пустым местом. Приходилось светиться на всех возможных тусовках, пить за здоровье богатеев и слушать вечную пластинку: «С такой внешностью ты мог бы всё упростить».

«Если что — звони» — таких «дружеских предложений» он слышал в жизни больше, чем хотел бы помнить. Причём говорили это люди всех возрастов и обоих полов — рынок «интимной оптимизации» всегда был открыт.

На этом фоне Ли Хундэ — отец Ли Лина — был почти святым. Честный инвестор: посмотрел цифры, прикинул перспективы и спокойно сказал: «Сможешь вернуть? Работай.»

Цзян Цзи отработал. Выбил деньги, отбил доверие — и проект поехал.

А потом, за каким-то очередным ужином с Ли Хундэ, Цзян Цзи впервые увидел Ли Лина.

Двадцать девять лет. Снаружи — лощёный бизнес-принц. По сути — золотая обёртка с пустотой внутри. По бумагам — вроде трудится в семейной компании, по факту — швыряет деньги и коллекционирует любовников.

Стоило Ли Лину увидеть Цзян Цзи, как тот сразу решил «записать» его в свою коллекцию.

Но Ли Лин был не дурак — охотник опытный. Не такой прямолинейный, как Лу Синьянь, который сразу лезет в губы, едва хлебнёт смелости. Тут всё тоньше: тёплая вода, плавный подогрев. Он подходил медленно, ни разу не ляпнул «я тебя люблю» — зачем? Надо, чтобы жертва сама расслабилась и однажды сама приплыла.

Только проблема в том, что Цзян Цзи — не лягушка. Вариться на медленном огне он не собирался.

Он давно понял, что Ли Лин готовит план «вари меня нежно» — и сам крутил регулятор. То подогреет, то резко остудит. Ли Лин сбивался, нервничал, снова подползал и снова отскакивал, так и не понимая, что у Цзян Цзи всё давно под контролем.

Если бы не уважение к его отцу, Цзян Цзи уже давно вычеркнул бы этого «вечного гостя» из своей жизни.

Чувство вины? Ни капли. Ли Лин снаружи — эталон «любовного гуру», а внутри — всё та же клубная душа. Да кому он врёт — никто и не верит, что он «бережёт себя» только ради Цзян Цзи.

Один раз Ли Лин после пары бокалов не сдержался — язык всё-таки зачесался:

— Слушай, а ты вообще какой тип любишь? Я вот сижу и не понимаю, что тебе надо.

Цзян Цзи только усмехнулся:

— Мне нравятся послушные.

— Послушные? Типа... школьники? — Ли Лин скривился. Неужели вкус пересекается? Но тут же сам себя успокоил: «Да ну, этот парень сам не знает, чего хочет.»

Честно говоря, Ли Лин был отчасти прав. У Цзян Цзи и правда не было никакого чёткого «идеала». Был только длинный и предельно ясный список того, что он терпеть не мог.

Все эти скользкие, напускные улыбки, люди «при галстукe», которые торгуют душой за ужин и пару пустых обещаний — за три года бесконечных встреч и переговоров он насмотрелся на них так, что стал почти мизантропом.

Если не надо — он не будет ни с кем «тусоваться». Ему не льстят эти признания и сладкие речи про «мечту». Для него это всего лишь шум на фоне.

«Люблю» — это чужое. Чувства — чужие. Все эти «ахи» и «вздохи» принадлежат только тому, кто их издаёт. Он к ним не притрагивается.

А жить свою жизнь всё равно придётся ему — со всей этой усталостью, с недосыпами, с кипой дел, за которые никто не ответит. Ни Ли Лин, ни кто другой эту ношу за него не понесёт.

Так что зачем ему этот Ли Лин? Ни толка, ни выгоды. Ни толком поддержки, ни реальной пользы для дела. Помощь? Цзян Цзи прекрасно знал цену «бесплатной помощи».

В последние недели он даже играть в «контроль температуры» перестал. Послушал очередную приторную голосовуху — и закрыл чат, даже не ответив.

Он велел Жанне заказать ужин — спасибо и на том, что не пришлось голодать. Засел за работу до поздна и вывалился из офиса только к девяти вечера. Ну а что — трудоголик года.

На обратном пути Цзян Цзи заехал купить букет — вдруг проснулась старая ностальгия.

Цзян Ваньи любит цветы.

Когда Цзян Цзи был ещё мелким, а родители ещё не разбежались кто куда, мама — Цзян Ваньи — крутилась дома как белка. Их крошечная квартирка в полсотни квадратов сияла чистотой, а на столе всегда стоял какой-нибудь жалкий стеклянный флакон с парой веточек или скромным цветком. Такая вот домашняя эстетика посреди вечного семейного хаоса.

В те времена Цзян Цзи носил фамилию Лу — по отцу, Лу Кайяну. С характером у Лу Кайяна было всё скверно: если на работе что-то шло не так — семье оставалось только молча ждать удара. На людях он ещё умел держать лицо, дома же отыгрывался на тихой и покорной жене. Хоть она и копейки на себя не тратила — всё до последнего юаня шло в дом — он всё равно находил, к чему придраться.

Однажды, среди бела дня, Цзян Цзи вернулся из школы и застал отца в момент «семейного воспитания»: Лу Кайян схватил несчастный вазон с цветами и швырнул его об пол — осколки, вода, стебли. Всё перемешалось в мокрую кашу.

Лу Кайян орал:

— Опять свои цветочки разводишь! Денег у нас лишних нет, чтобы ты тут буржуйку из себя строила!

Цзян Ваньи суетилась и шептала, что это не купленные цветы — в парке сорвала, чтобы хоть

немного уютно было. Но он и слушать не хотел. Выпустил всё, что накопилось, сел за стол, бухнул кулаком:

— Жрать где?! Ещё не готово?!

Поел молча, вытер рот, хлопнул дверью и ушёл — «отдохнуть», как он это называл. Где и с кем — вопрос был риторический.

Ночью Цзян Цзи сидел за своим школьным столом, водил ручкой по тетрадке и делал вид, что занят уроками, а сам подслушивал, как за плохо прикрытой дверью мама шепталась с соседкой.

Цзян Ваньши тихо всхлипывала — рассказывала, что давно бы ушла, да сын ещё маленький — вдруг травма, вдруг вырастет с перекошенной душой. Если бы тогда не залетела — не повелась бы на уговоры Лу Кайяна, не потеряла бы работу, а теперь вот и выхода нет...

Цзян Цзи размазал слёзы по тетрадке, потом вышел в комнату и сказал так спокойно, как мог:

— Мам, давай разведёмся с ним.

— Только ты меня не бросай. Ладно?

«Я быстро вырасту, буду зарабатывать, тебя кормить... И цветов тебе куплю целую оранжерею...» — такие вот великие детские клятвы.

Спустя столько лет, уже взрослый, двадцатипятилетний Цзян Цзи чуть усмехнулся сам себе, глядя на букет на пассажирском сиденье. Вышел из машины — зажал цветы под мышкой.

К этому времени было уже почти десять, Цзян Ваньши, конечно, спала. Цзян Цзи всё сделал, как полагается — разобрал букет, расставил в вазе в гостиной, плеснул воды. Потом поднялся наверх, чтобы привести себя в порядок.

Вообще с хобби у Цзян Цзи всё просто — как у рыбы с велосипедом. Учёба, работа, ещё работа — и спать. Каждый вечер расписан по минутам: душ, разбор всего накопившегося за день, письма, проверка расписания. И спать. Гордость местного профсоюза трудоголиков.

Как обычно, снял пиджак, закинул на руку и побрёл по коридору. Его комната — через стену от берлоги Лу Синьяня. С этим соседом он бы и не думал пересекаться, но после сегодняшнего крика «Я буду тебя добиваться!» — волей-неволей было интересно: как этот паршивец все провернет?

Цзян Цзи скосил взгляд на соседнюю дверь: плотно закрыта, снизу ни щёлки света. Ну да. Лу Синьянь и в десять вечера спит — ага, конечно.

Что-то в воздухе словно шепнуло: «Берегись.» Цзян Цзи дёрнулся, открыл дверь в свою комнату — и наткнулся на сюрприз: шторы задёрнуты, в комнате полумрак, а на кровати под одеялом — подозрительный бугор.

Цзян Цзи застыл.

— ...

— Лу. Синь. Янь, — протянул он устало, закатил глаза, швырнул пиджак на кресло и одной рукой вытащил самозванца из-под одеяла. — Кто тебе разрешил развалиться на МОЕЙ

кровати?

Он щёлкнул выключателем. Свет разлил всё по углам — и тут же из-под одеяла вынырнула голова Лу Синьяня. Тот хлопал ресницами и изображал из себя пушистого зверька:

— Братик, ты вернулся.

— Я вопрос задал.

— А ты не сказал, что нельзя, — Лу Синьянь даже не моргнул. — Я же предупредил: дома подожду. Ты молча согласился.

— ... — Цзян Цзи даже не стал это комментировать. Спорить с таким «логиком» — себя не уважать. Он просто схватил край одеяла и рванул, собираясь скинуть паразита с кровати на пол.

Но стоило дёрнуть — и вот тебе второй сюрприз: под одеялом Лу Синьянь лежал почти как родился — в одних трусах. Сильное красивое тело, волосы ещё чуть влажные, кожа чистая, поза выбрана так, что взгляд сам скатывался туда, куда не планировал.

Первый этап великого плана «покорить Цзян Цзи» — старый как мир: соблазн телом.

Лу Синьянь нарочно натянул ультра-низкие обтягивающие шорты, чтобы взгляд цеплялся за каждую деталь — от рельефного пресса до той самой V-линии, которую он явно выпячивал намеренно. Прямо живой учебник «порно-соблазнения для начинающих».

Они оба замерли: Цзян Цзи с тихим бешенством, Лу Синьянь с лицом невинного щеночка.

Полминуты они тупо смотрели друг на друга. В комнате повисла смесь раздражения и странного, едва уловимого жара. Всё было настолько нелепо, что на секунду даже стало чуть тесно дышать.

Цзян Цзи уже руку поднял — щас стукнет, честное слово. Но Лу Синьянь успел схватить его за запястье:

— Братик, братик-братик... Не нервничай!

Кожа у Цзян Цзи холодная, как нефрит — стоило коснуться, и Лу Синьянь тут же куда-то улетел мыслями.

А весь этот перформанс Лу Синьянь устроил потому что сегодня днём он полез на форум и залепил туда крик о помощи: «Мой краш — холодный бог, как его растопить?» Половину написал как есть, половину приукрасил.

Добрые интернет-знатоки сразу всё растолковали:

— Ты наивный! Ты не понимаешь взрослую химию. Он тогда в машине дал тебе зелёный свет — ты не догнал.

— С таким мужчиной не надо тянуть — сразу лезь в койку. Может, встречаться не станете — но спать будете точно.

Лу Синьянь так раззадорился от этих «потрясающих» советов, что после душа гордо улёгся на кровать Цзян Цзи — вдыхал едва уловимый запах чужой подушки и сам же от этого млеп.

Внутри два лагеря грызлись: один шептал «куда ты лезешь», другой подзуживал «раз уж залез — дожимай».

Честно говоря, Лу Синьяню и правда было интересно: неужели он настолько непривлекательный? Ладно бы Цзян Цзи просто злился — но он даже бровью не ведёт, глядя на красивого, голого наглеца.

— Ты бей, — Лу Синьянь вжал его руку себе в щёку. — Давай, пару раз, я заслужил.

Цзян Цзи только мысленно вздохнул: «Разве нет?»

Лу Синьянь будто ловил кайф от этого взгляда — чем холоднее смотрел Цзян Цзи, тем сильнее у него внутри всё таяло. Стыдно? Стыдно. Но глаза все же сверлят по его телу туда-сюда.

Дыхание Лу Синьяня сбилось, рука сама дёрнулась к галстуку Цзян Цзи — хотел дотянуться, притянуть поцелуй.

...Не дотянулся.

Цзян Цзи молча перехватил его подбородок, отстранил и ткнул пальцем в дверь:

— Вон.